

УДК 947 + 947.6
ББК 63.3(2)61 + 63.3 (4Бел)61
С81

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ, ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ

УДК 94 (47 + 57) «1917»

В.И. Павлов

СМЫСЛ И ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ (ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НОВГОРОДЦЕВ, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ)

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент (председатель) *В.И. Павлов*;
кандидат исторических наук, доцент
(заместитель председателя) *А.И. Мурашко*;
доктор исторических наук, профессор *А.Ф. Вишневецкий*;
кандидат исторических наук, доцент *С.Ф. Лапанович*;
кандидат юридических наук (ответственный секретарь) *А.В. Григорьев*

С81 **100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству** : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.И. Павлов (пред.) [и др.] . – Минск : Академия МВД, 2019. – 186, [2] с.
ISBN 978-985-576-169-4.

Сборник включает статьи, подготовленные участниками республиканской научно-практической конференции «100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству», организованной кафедрой теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь (Минск, 14 ноября 2017 года).

Предназначен для специалистов в области истории государства и права, фундаментальных и отраслевых юридических дисциплин, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (курсантов) учреждений высшего образования юридического профиля, а также всех интересующихся проблемами теории и истории государства и права.

УДК 947 + 947.6
ББК 63.3(2)61 + 63.3 (4Бел)61

ISBN 978-985-576-169-4

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

Февральская революция 1917 г. и последовавший за ней большевистский переворот, безусловно, являются судьбоносными событиями в истории России и всего восточнославянского мира. В 2017 г. в год столетия этих событий научный мир и общественность вновь обратились к осмыслению феномена революции, выяснению ее причин, оценке тех последствий, которые повлияли на весь ход XX в. Представляется, что важнейшее значение в понимании событий 1917 г., а также в понимании всех социальных процессов предшествовавшего революции периода может послужить анализ восприятия того времени современниками – мыслителями, правоведами, судьбы которых оказались навечно связанными с русской революцией. В качестве портретов для анализа нами выбраны две ключевые фигуры русской мысли – Павла Ивановича Новгородцева и Николая Александровича Бердяева. Оба мыслителя пережили русскую революцию и Гражданскую войну, оказались в эмиграции, одновременно верили и горячо любили Россию.

Общая характеристика состояния российской политико-правовой мысли в предреволюционный период. В начале XX в. в России, особенно после Первой русской революции 1905 г., большинство правоведов относили себя к либеральному лагерю. Были, конечно, и представители охранительного типа (К.П. Победоносцев, Ю.А. Тихомиров, В.Д. Катков, К.Н. Леонтьев и др.), однако их идеи «тонули» в общей массе либеральных идей, несмотря на формальную поддержку охранительных взглядов властью. Во многом это определялось западноевропейским влиянием на русскую интеллигенцию, в том числе в части образования и формирования научной мысли. Практически все ученые-правоведы в процессе своего профессионального становления в обязательном порядке проходили стажировку в западноевропейских университетах. Такие величины русского правоведения, как П.И. Новгородцев,

Ф.Ф. Кокошкин, Л.И. Петражицкий, некоторые другие известные юристы вошли в состав I Государственной Думы в числе членов партии кадетов, известной своей либеральной ориентацией, а основатель русской социологической концепции права, проректор и профессор права Московского университета С.А. Муромцев был ее председателем.

Идейно правоведа придерживались либеральных взглядов с опорой на новоевропейскую правовую программу, связанную прежде всего с концепцией правового государства. Конечно, они верно видели и предчувствовали неизбежность трансформации монархической государственности в России в условиях изменения конфигурации политико-правовой модели Западной Европы, однако в качестве платформы для трансформации видели именно классический юридический дискурс. Несомненно, русские либерально ориентированные правоведа были оптимистами идеи права, гражданского общества, народовластия. Однако вопрос преобразования русской тысячелетней цивилизации, скрепленной самодержавной властью и православной верой, в правовое общество граждан не радикальным путем через ломку, а эволюционно был очень сложным и требовал учета множества различных факторов, выходящих за рамки новоевропейской политико-правовой программы. В то же время в начале XX в. еще не произошел кризис классической рациональности, еще не было по достоинству оценены значение и место цивилизационно-культурной традиции в жизни конкретного государства и в развитии правовой системы, а также не осуществлен критический анализ новоевропейских правовых программ. В начале XX в., как и в его конце при распаде СССР, не существовало программных альтернатив либеральной политико-правовой доктрине. Конечно, в русской мысли были источники для формирования некоторых оригинальных политико-правовых построений и существовали критические юридические исследования идеи правового государства. Например, можно упомянуть известную работу П.И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» [1], отчасти к этому же крылу можно отнести и концепцию охранительного (умеренного) либерализма профессора государственного права Московского университета Б.Н. Чичерина [2, с. 187–207; 3], и работы правоведов, развивающие в юриспруденции социологические и теургические идеи В.С. Соловьева (например, синтетическая теория права А.С. Яценко [4]). И тем не менее все эти идеи не были адаптированы к реальной российской действительности и в основном формулировались отвлеченно в синтезе с новоевропейскими политико-правовыми концепциями. В то же время большевики смогли трансформировать марксизм к российским реалиям

и в нужный момент реализовали его как реальную политическую программу и практику (стоит при этом отметить, что отец русского марксизма Г.В. Плеханов в революционный год назвал «Апрельские тезисы» В.И. Ульянова «бредом» [5]).

Самобытность российской культурно-исторической традиции, указывающей на глубинную связь социальной жизни элементами православной веры и духовности, была ярко проявлена не в русской юриспруденции, а в русской литературе, что характеризует особенность российской цивилизации, в том числе влияющей на ее политико-правовую жизнь. Наука права доктринально целиком стояла на почве западноевропейской юридической мысли.

Февральскую революцию практически все либерально ориентированные правоведа восприняли позитивно, в то время как большевистский переворот ими был встречен как трагедия и катастрофа. Активно участвуя и сочувствуя работе Временного правительства по проведению политических реформ, после Октября практически все правоведа либеральных позиций были арестованы либо вынуждены думать о своей дальнейшей судьбе, будучи вытесненными на периферию нового порядка. Показателен пример одного из основателей науки конституционного права в России профессора Московского университета, депутата I Государственной Думы от партии кадетов, а после февральских событий – председателя Юридического совещания Временного правительства Ф.Ф. Кокошкина, который сразу после октябрьского переворота был арестован и убит большевиками без суда и следствия.

После окончательной победы большевиков в России встал вопрос о формировании нового социалистического права и социалистической науки о праве и государстве. Следует отметить, что, за редким исключением, ни один из известных русских дореволюционных правоведов либеральных позиций не вошел в советскую юридическую науку, хотя первые юристы советской власти были их учениками и выпускниками русских юридических факультетов. Например, П.И. Стучка был выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1888 г.), А.Я. Вышинский был выпускником юридического факультета Киевского университета (1913 г.), В.В. Адоратский окончил юридический факультет Казанского университета (1903 г.), Е.Б. Пашуканис также учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (был отчислен в связи с надзором полиции). Правда, практически все будущие советские юристы еще до революции были носителями радикальных взглядов, многие являлись членами партии РСДРП и находились в эмиграции, вернувшись в Россию в предреволюционный период. Однако и их знаменитые учителя, либеральная профессура старой школы, часто

также были в оппозиции самодержавной России и чаяли либеральных реформ. Тем не менее отдельные представители старой юридической школы в 20-е – первой половине 30-х гг., а некоторые – и в послевоенный период все же вошли в советскую юриспруденцию (в основном, правда, это цивилисты А.Э. Вормс, А.В. Венедиктов, известный криминолог и профессор по кафедре уголовного права МГУ М.Н. Гернет, который в 1947 г. даже удостоился Сталинской премии за пятитомную «Историю царской тюрьмы» и др.). В советской юридической науке философия и теория права как полноценные науки и учебные дисциплины исчезли надолго и были заменены их марксистскими фантомами. Однако жизнь, запросы бытового благополучия нередко вынуждали людей того времени жертвовать взглядами и свободой мысли ради того, чтобы выжить. Например, бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, подавший прошение об отставке в знак протеста против политики Министерства народного просвещения Л.А. Кассо в части надзора за университетами в 1911 г. («дело Л.А. Кассо»¹) и после Февральской революции ставший Министром народного просвещения Временного правительства, при советской власти написал письмо В.И. Ульянову и перешел на позиции советской власти (кстати, именно А.А. Мануйлову принадлежит реформа русского правописания при большевиках в 1918 г.).

Осенью 1922 г. по инициативе В.И. Ульянова и Л.Д. Троцкого представители русской интеллигенции были принудительно высланы из страны навсегда под угрозой расстрела в случае возвращения (формально основанием административной высылки стал Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке», который, впрочем, определял срок высылки только три года). В 1990 г. известный российский философ и богослов С.С. Хоружий впервые назвал эту акцию «философский пароход» [6]. За границу были высланы такие крупные общественные мыслители и правоведы, как Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, А.А. Боголепов, А.А. Кизеветтер и др. Однако еще и до 1922 г. было понятно, что свободная мысль в советском государстве практически невозможна. Многие правоведы покидали Россию. Основными центрами русской эмиграции стали Югославия, Франция, Германия. Большинство правоведов осели в Чехословакии в Праге, где

¹ В январе 1911 г. в Московском университете прошли массовые студенческие сходки, носившие антиправительственный характер и приведшие к вводу полиции в учебные здания, противоречившей студенческой автономии. В знак протеста против таких действий властей ректор университета А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков подали в отставку. Министр народного просвещения Л.А. Кассо не только принял отставку, но и уволил их из университета, что привело к демонстративному уходу еще около 130 профессоров и преподавателей.

усилиями П.И. Новгородцева был создан Русский юридический институт (факультет) Пражского университета [7].

В эмиграции русские мыслители сразу приступили к осмыслению революционных событий, начали писать статьи и эссе, в которых выражали свое отношение к революции, «старой» России, советской власти. Появляется возможность сравнить, сопоставить их ранние политико-правовые воззрения и постреволюционные политико-правовые идеи.

Павел Иванович Новгородцев: «Восстановление святынь». Известный философ и теоретик права П.И. Новгородцев во время подготовки к профессорскому званию в Московском университете прошел стажировку в Берлине и Париже. С 1905 г. являлся членом партии кадетов, входил в ее центральный комитет. После роспуска I Государственной Думы подписал «Выборгское воззвание», за что был осужден и отошел от активной политической жизни. В 1911 г. вместе с большой группой профессуры Московского университета уволился в знак протеста по уже упоминавшемуся «делу Л.А. Кассо». Кстати сказать, из университета тогда наряду с П.И. Новгородцевым подали прошение об отставке такие известные правоведы, как Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов, А.С. Алексеев, Н.В. Давыдов, Ф.Ф. Кокошкин, А.Э. Вормс, Б.А. Кистяковский, А.А. Боровой, М.Н. Гернет, С.Н. Булгаков и др. Эти факты говорят не только о политике властей относительно контроля за политикой народного просвещения в стране, но и о той свободе, которая существовала в университетской корпорации в России. Как позднее по этому поводу отмечал Н.А. Бердяев, «пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование» [8, с. 265].

В 1918 г. П.И. Новгородцев выезжает за границу для лечения, и в 1920 г. возвращается уже в стан белых в Крым, занятый войсками главнокомандующего Русской армией в Крыму П.Н. Врангеля. После эвакуации стал жить в Праге, где, как уже отмечали, основал Русский юридический институт (факультет) и был его деканом вплоть до своей смерти в 1924 г.

Ключевой работой П.И. Новгородцева, в которой дается оценка революции, является очерк «Восстановление святынь» [9], написанный мыслителем незадолго до смерти (1923 г.) и опубликованный уже посмертно в русском эмигрантском журнале «Путь», который являлся печатным изданием Религиозно-философской академии, открывшейся по инициативе А.Н. Бердяева в 1922 г. в Берлине (в 1924 г. академия переместилась в Париж, последний номер журнала вышел в 1940 г.). П.И. Новгородцев писал эту работу в последние годы своей жизни, переосмысливая пережитое в революционный период.

Первым положением, которое в своем эссе формулирует русский мыслитель, является идея о необходимости пересмотра старых верований в демократическую идею. Посвящая статью своему другу В.Д. Набокову, русскому юристу, бывшему управляющему делами Временного правительства, погибшему от рук монархистов-эмигрантов в Берлине во время покушения на П.Н. Милюкова, П.И. Новгородцев пишет: «если бы демократическая идея всегда и везде обладала настоящей созидательной силой, она привела бы Россию к величию и свободе, а не к разрушению и порабощению» [9, с. 55].

Оценивая политику Временного правительства, П.И. Новгородцев был солидарен с мнением В.Д. Набокова о том, что правительство, желая быть непохожим на старую власть, в итоге лишилось самой этой власти и «вовсе перестало быть властью... это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия» [9, с. 57]. В итоге оказалось, что «кн. Львов также повинен в Керенском, как Керенский в Ленине» [9, с. 58]. Как полагал мыслитель, непротивление злу у Львова перешло в потворство злу Керенского и закончилось в системе открытого служения злу у Ленина. Ленин – это наихудшая демагогия, демагогический деспотизм большевистской власти.

Отдельное место в своих рассуждениях П.И. Новгородцев посвятил трагической ошибке идеи народничества. Вера в русский народ, вера в его исконные и, как сегодня можно было бы сказать, архетипические начала созидательности и разумности, потерпела полное крушение. Подлинное народовластие, под которым П.И. Новгородцев понимает «организованное самоуправление народа, сочетающееся с твердостью правового порядка и свободой жизни» [9, с. 59], превратилось в «олигархическое господство партийных вождей, властвующих и над своей партией, и над своим народом при помощи демагогии и тирании» [9, с. 59]. Нельзя не заметить, что П.И. Новгородцев постоянно делает акцент на демагогии большевиков при осуществлении ими власти. Однако в том то и дело, что большевики были не только демагогами, но и практиками, они были полны политической решимости и действовали вслед за лозунгами и речами. Вероятно, у П.И. Новгородцева все же еще сохранялось сугубо интеллигентское, традиционное для либеральной России того времени понимание политико-правовых преобразований, отражающее в том числе и определенный разрыв между интеллигенцией и чаяниями народа, на что неоднократно указывал Н.А. Бердяев.

В отличие от большевиков, либеральные силы, «февралисты», вся русская интеллигенция «...обнаружили свою политическую незрелость и свою неспособность к власти и управлению» [9, с. 60]. Не ускользнула от правоведа и главная антропологическая ошибка народников, которая состояла в том, что они верили в благодать русского народа как

его актуальное природное состояние: «...им [народникам] недоставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть, и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости, и “бунт бессмысленный и беспощадный”». Силу этой худшей части народной души и просмотрели русские народники...» [9, с. 61]. Опираясь на мысль Ф.М. Достоевского, П.И. Новгородцев указывает на отличие данности от заданности в природном состоянии народа. Идеал Христа – это лишь задание для русского народа, поэтому, несмотря на крушение России, мыслитель, веря в его пробуждение, со ссылкой на слова отца Сергия (Булгакова) говорит: «растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон» [9, с. 61].

Ответственность за революцию и русскую смуту П.И. Новгородцев возлагает не на народ, а на элиты, проводя аналогию со Смутным временем начала XVII в., поскольку в обеих исторических ситуациях «почин в разрушении общественного порядка принадлежал верхам общества» [9, с. 62]. Ссылаясь на мысль В.О. Ключевского о восстановлении русского государства во времена смуты в 1611 г. посредством пробуждения национально-религиозных сил, П.И. Новгородцев также видит в этом предуказание на будущее – именно религиозные и национальные силы должны стать основанием восстановления России. Правовед отмечает, что в либеральных кругах до революции национальный признак как таковой отрицался: «ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным... <...> ...казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединялись отвлеченными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что, помимо таких отвлеченных принципов, все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно преданностью русской культуре и русскому народу» [9, с. 66].

После 1917 г. в политико-правовых воззрениях П.И. Новгородцева наблюдается поворот от новоевропейских правовых воззрений к культурно-историческим и прежде всего религиозным основаниям социальной жизни. Именно укоренение в традиции, обращение к русскому православному сознанию, а не к идее правового сознания и правового государства становится для мыслителя спасительной скрепой для будущей России. Для возрождения России нужно «восстановление святынь», т. е. перерождение народной души, которая «связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом,

как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу» [9, с. 67]. При этом идея права (в его западном, либеральном понимании) и отвлеченный универсальный гуманизм уже не представляются П.И. Новгородцеву как рецепты исцеления государства. Главное – это религиозно-нравственное возрождение душ человеческих, и, следует отметить, насколько эти идеи, сформулированные П.И. Новгородцевым в конце жизни, близки идее вселенской теургии В.С. Соловьева и русского православного богословия XX в.

В завершение эссе П.И. Новгородцев возвращается к центральной теме своего творчества, которой он занимался всю жизнь – к теме кризиса правосознания и общественном идеале. Мыслитель также уповает не на демократическую идею, а на возвращение к вере. Кризис правосознания – это не столько кризис некоторых внутренних несовершенств концепции правового государства и демократии, а «кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским. Вот почему оскудела и демократическая идея» [9, с. 69]. Сама по себе демократия не есть правовая ценность: таковой она становится лишь в случае ее скрепления духовными основами жизни и народа, и власти. В демократическом притязании таится опасность опустошения человеческой души. Автономная мораль либерализма приводит «к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь» [9, с. 70]. «Мы, – говорит П.И. Новгородцев, – ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – асиократию, власть святынь» [9, с. 70]. Формула власти должна заключаться в том, чтобы «власть взирала на свою задачу, как на дело Божие, и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения» [9, с. 71].

Еще в одном небольшом эссе, написанном в эмиграции и посвященном православному сознанию [10], мыслитель открывает читателю путь собственной эволюции взглядов после революционных потрясений: «для нас, – говорит он, – переживших неслыханные, катастрофические события, многое теперь приоткрывается и уясняется из того, что ранее было неясно, к чему относились мы невнимательно. Открываются для нас с небывалой ясностью и драгоценные сокровища нашей веры» [10, с. 22–23]. У П.И. Новгородцева возникает фактически традиционная славянофильская дихотомия христианского Запада и христианского Востока, права и веры. Он говорит: «западный человек – это человек, гордый своей культурой, своим образованием, своей наукой, своей дисциплиной, своей политикой. Он думает, что он все преодолел, все может; он думает, что его конституции и парламенты, что его демократии

и республики – верх человеческой мудрости, что тот путь, которым он идет, есть единственный путь к человеческому величию. С высокомерием смотрит он на отсталость своих восточных соседей и ожидает, что они усвоят его мудрость и пойдут его путями. Между тем именно мы, эти восточные соседи, имеем все основания звать европейское сознание к тому, чтобы оно сломало свою гордость и поняло смысл и значение подвига смирения. Ибо это значит звать на почву христианского и вообще религиозного сознания. Это мудрость, провозвещенная еще древне-еврейскими пророками, которые ничему так настойчиво не учили, как тому, что от гордости погибают и люди, и города, и царства» [10, с. 17].

Таким образом, личное переживание революционных событий повлекло изменение политико-правовых взглядов П.И. Новгородцева. Главное, что в постреволюционный период правовед более не призывает к восстановлению правового сознания, правового государства. Напротив, П.И. Новгородцев призывает к восстановлению народных святынь – к упованию на веру народа и каждого, и этот мотив очень сильно выражен в новом отношении мыслителя к либеральным политико-правовым идеям. Последние на почве восточно-христианской цивилизации могут быть реализованы лишь тогда, когда будет найден особый путь синтеза права и веры, когда правовое сознание станет сознанием православным. Отчасти эти идеи были продолжены в работах русского богословия в эмиграции.

Николай Александрович Бердяев: «Размышления о русской революции» (1924 г.). Отношение к Февральской революции и большевистскому перевороту у крупного философа и религиозного мыслителя Н.А. Бердяева было иным, нежели у П.И. Новгородцева. Впервые концентрировано он его выразил в небольшом эссе «Размышления о русской революции» [8] в 1924 г. в эмиграции.

Н.А. Бердяев начинал свой творческий путь на естественном, затем перевелся на юридический факультет Киевского университета, однако был отчислен за участие в беспорядках. В отличие от П.И. Новгородцева, он не входил в партию кадетов и считал ее буржуазной, изначально придерживался социалистических взглядов и был почитателем К. Маркса (впрочем, и П.И. Новгородцев отмечал заслуги К. Маркса в критике капитализма и особенно проблемы отчуждения человека при этом строе [11, с. 384–385]). Как отмечал Н.А. Бердяев, «я чувствовал страшную отчужденность от либерально-радикальной среды, большую отчужденность, чем от среды революционно-социалистической... <...> ... Я себя чувствовал относительно лучше среди социал-демократов, но они не могли мне простить моей «реакционной», по их мнению, устремленности к духу и к трансцендентному» [12, с. 133–134]. Неоднократно аре-

ставывался как до революции, так и при советской власти. Мыслитель так говорит сам о себе: «...я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию её победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я ещё не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании» [12, с. 9].

В 1922 г. Н.А. Бердяев был выслан за границу на «философском пароходе», жил в Берлине, а затем в Париже, в его пригороде Кламаре вплоть до своей смерти в 1948 г., пережив Вторую мировую войну. Следует отметить, что в 1946 г. Н.А. Бердяев получил советское гражданство, при этом известна его положительная оценка деятельности советского государства, в том числе положений «Сталинской конституции» 1936 г., за что он заслужил весьма холодное отношение к нему русских правых эмигрантских кругов. В эмиграции был руководителем уже упоминавшейся нами Религиозно-философской академии в Берлине и Париже, а также директором известного издательства русской книги «УМСА-Press», в котором печатались труды русских эмигрантов.

На протяжении всего творческого пути главной идее Н.А. Бердяева была проблема нравственного идеализма, русской религиозной философии, в центре которой стояли проблемы свободы и творчества человека, а также самый широкий спектр проблем, в том числе в области права и государства. Взгляды Н.А. Бердяева с определенными оговорками можно охарактеризовать как христианский экзистенциализм и персонализм. Свобода и творчество человеческого существования – центральные темы его исследований. Во время жизни в России его идеи были органично отражены в эпохальных религиозно-философских сборниках «Проблемы идеализма» (1902 г.), «Вехи» (1909 г.) и «Из глубины» (1918 г.), последовательно отразивших две русские революции и крушение Российской империи.

Н.А. Бердяев хотя и учился на юридическом факультете, но, в отличие от П.И. Новгородцева, не был теоретиком-правоведом, хотя у него имеются некоторые работы политико-правового характера. По этой причине в своих политико-правовых оценках революции Н.А. Бердяев не был привязан и зависим от темы правового государства и других новоевропейских политико-правовых идей, как это было у П.И. Нов-

городцева. С самого начала своей творческой эволюции Н.А. Бердяев погрузился в религиозно-философскую тематику, особенно в проблему свободы человека, которой он оставался верен всю жизнь. Именно под этим «углом зрения» мыслитель оценивает революцию в России.

По мнению Н.А. Бердяева, революция в России есть несчастье и безбожное, разрушительное отношение ко всем историческим святыням. Однако одновременно она является и историческим фактом, необходимым моментом духовного становления России. Оценивая роль «февралистов», Н.А. Бердяев отмечает, что их взгляды были утопичными с самого начала, реалистами оказались большевики, «которые усвоили себе традиционные методы управления и использовали некоторые исконные инстинкты народа» [8, с. 258]. «Большевизм, – полагал мыслитель, – был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил» [8, с. 259]. Большевизм основывался на факте извращенной и больной народной стихии, связанной с усталостью солдат от войны, вожделением крестьянами помещичьих земель, озлобления рабочих. Большевистские лидеры уловили этот момент, в отличие от либеральных политиков, которые не понимали иррационального характера народной стихии и пытались признать за ней некоторые права.

В отличие от П.И. Новгородцева, который в эмиграции хотя заметно и пересмотрел свое отношение к идее правового государства, но все же не отказался от нее, Н.А. Бердяев указывает на факт абсолютной неготовности русского народа к либеральным преобразованиям. «Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, – утверждал философ, – что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство, что русский народ можно гуманными речами заставить признать права и свободы человека и гражданина, что можно либеральными мерами искоренить инстинкты насилия управителей и управляемых? Это была бы неправдоподобная революция, отрицание всех исторических инстинктов и традиций русского народа» [8, с. 258]. Относительно возможных положительных перспектив проведения либеральных политико-правовых реформ в России, на чем в свое время настаивали кадеты, Н.А. Бердяев утверждал, что «ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел» [8, с. 259].

Отрицательно отношение Н.А. Бердяева и к реакции белых в Гражданской войне. Мыслитель здесь основывается на идеях известного французского консерватора Ж. де Местра. В Гражданской войне идет противостояние сил дореволюционных и революционных, при этом «... настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начи-

нающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни» [8, с. 260].

Экзистенциальный момент восприятия революции также очень важен в творчестве мыслителя. Здесь на первое место выступает христианский персонализм Н.А. Бердяева, в контексте которого революция воспринимается им не только как внешний факт, но и как личная судьба, как судьба каждого, кто пострадал от нее. «Большевизм в России, – говорит Н.А. Бердяев, – явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большевизм есть мой грех, моя вина... все ответственны за всех» [8, с. 263]. При этом Н.А. Бердяев категорично отказывается от оправдания «правых»: «грехи их велики и им надлежит пройти через суровое покаяние» [8, с. 263]. Он полагает ошибочным восприятие «правыми» большевиков всего лишь как шайки разбойников. Напротив, Н.А. Бердяев усматривает в большевизме духовное состояние русского народа, его духовный распад, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию. Именно поэтому советская власть «оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны... эта власть оказалась народной в очень нелестном для нее смысле» [8, с. 264]. Таким образом, «Бог как бы передал власть большевикам в наказание за грехи народа» [8, с. 266].

Революция, по мнению Н.А. Бердяева, свершилась по Ф.М. Достоевскому, поскольку великий литературный гений понимал глубокие христианские основания русского общества и государства. В отличие от Запада, социализм в России всегда является вопросом не столько политическим, сколько религиозным, вопросом атеистическим, и именно поэтому «русская революционная интеллигенция совсем не политической занята, а спасением человечества без Бога» [8, с. 272]. Существует множество причин революции – это и война, и низкий уровень правосознания народа, земельная неустроенность крестьян, зараженность интеллигенции ложными идеями. Однако главная причина революции лежит в ее духовном первофеномене. «...Я утверждаю, – говорит Н.А. Бердяев, – что в основе русской революции... лежит религиозный факт, связанный с религиозной природой русского народа. Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он *не хочет правового государства в европейском смысле этого слова*. Это – аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Он хочет или Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства

князя мира сего. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к семье, к государству, к своим правам, к своей мебели, к внешнему бытовому укладу... Русский народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. В этом духовно воспитало его православие» [*курсив.* – В.П.] [8, с. 273].

Именно поэтому большевизм и очаровал русский народ не правом, а правдой в ее извращенном понимании, атеизмом как крипторелигией. «В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее... – говорит Н.А. Бердяев, – за каждым большевиком стоит коллективная намагниченная среда, и она повергает русский народ в магнетический сон, заключает русский народ в магический круг. Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача» [8, с. 275].

Революция повлекла разрушение социальных классов и бесповоротное уничтожение аристократического сословия. В революции, однако, был выплавлен новый антропологический тип – это большевик-комиссар, «... молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует. Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает, он наживается на революции. Этот молодой человек, внешне мало похожий и даже во всем противоположный старому типу революционера... Он заявляет себя хозяином жизни, строителем будущей России» [8, с. 278].

Преодоление революции и большевизма Н.А. Бердяев видел в религиозных основаниях народа. И здесь выявляются христианские мотивы – он подвергает критике дореволюционное православие и действительное религиозное состояние народа и элит. «В жизни религиозной у нас накопилось много лжи и лицемерия. Внешнебытовое и корыстно-утилитарное отношение к православной Церкви преобладало у слишком многих. Авторитет косного православного быта должен быть разбит. У верхнего нашего слоя, у дворянства и бюрократии религиозность не была глубокой, и христианство не принималось достаточно всерьез. Религиозность саддукеев всегда носит характер государственный, и в ней перспективы жизни временной всегда побеждают перспективы жизни вечной» [8, с. 282].

Большевизм, будучи по своей природе явлением антихристианским, устранил старую религиозность, однако тем самым дал возможность

проявиться подлинным духовным силам в церкви и обществе. По аналогии с опытом гонений в Римской империи первых трех столетий нашей эры, Н.А. Бердяев говорит, что «гонения никогда не были страшны для христианства. Гонение для Церкви лучше, чем насильническое покровительство. В гонениях христианство крепло и возрастало... <...> ..... Церковь потеряет в количестве, но выиграет в качестве. Христианство вновь требует от верных сынов своих жертвоспособности. И эта жертвоспособность в стихии революции была проявлена... Русская православная Церковь внешне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена». И действительно, эти слова мыслителя очень правдивы, ведь сегодня православная Церковь имеет сонм новомучеников и исповедников в России, Украине, Беларуси [13–16].

В завершение своего эссе о причинах революции Н.А. Бердяев дает следующий рецепт восстановления России: «Будущее России зависит от религиозных верований русского народа. Это должны осознать все политики и покориться этой истине. Лучший из русских старцев накануне моей высылки из России рассказал мне, как к нему ходили каяться коммунисты и красноармейцы, и говорил, что надеется не на Деникина и Врангеля, а на действие духа Божьего в самом грешном русском народе. Это не только религиозно, но и национально более авторитетный голос, чем голоса тех русских эмигрантов, которые почитают себя националистами и патриотами, но в русский народ не верят» [8, с. 283].

Трансформация политико-правовых идей мыслителей дореволюционной формации, которым пришлось пережить годы революционных гонений и осмыслить происшедшее в эмиграции, дает большой жизненный опыт понимания проблем государственно-правового строительства не в свете отвлеченных теорий, а в контексте реальной практики жизни. Многие проблемы, которые были подняты русскими правоведами в эмиграции, актуальны и сегодня, особенно в части осознания концепции правового государства и новоевропейских политико-правовых идей. Ведь в настоящее время по большей части еще сохраняется слепая вера в новоевропейские правовые положения, несмотря на их, казалось бы, порой явный антигуманистический пафос. Кризис человека, в том числе человека юридического, во многом и связан с еще имеющейся недооценкой культурно-исторических и аксиологических, антропологических оснований социальной жизни и правовой действительности. Их учет и разработка концепций даст возможность не только преодолеть негативные явления кризисе человека и права, но и исключить возможность социальных потрясений наподобие того, которое случилось в 1917 г.

Список использованных источников

1. Новгородцев, П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Соч.] П. Новгородцева. – М. : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1909. – 395 с.
2. Чичерин, Б.Н. Несколько современных вопросов / [Соч.] Б.Н. Чичерина. – М. : Изд-во К. Солдатенкова, 1862. – 265 с.
3. Чичерин, Б.Н. Различные виды либерализма ; Политический кризис в Пруссии / Б.Н. Чичерин. – М., 1862. – 28 с.
4. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб., 1999. – 256 с.
5. Плеханов, Г.В. Тезисы Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересен / Г.В. Плеханов // Ростов н/Д : Труд и знание, 1917. – 16 с.
6. Хоружий, С.С. Философский пароход: Как это было // Лит. газета. – 1990. – 9 мая.
7. Щербаков, А.Д. Русский Юридический Факультет в Праге: сборник документов (к 95-летию со дня основания) / А.Д. Щербаков. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 168 с.
8. Бердяев, Н.А. Размышления о русской революции / Н.А. Бердяев // Он же. Смысл истории. Новое средневековье / Сост. и коммент. В.В. Сапова. – М. : Канон+, 2002. – С. 256–285.
9. Новгородцев, П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев // Путь. Орган русской религиозной мысли. – 1926. – № 4. Париж. – С. 54–71.
10. Новгородцев, П.И. Существо русского православного сознания / П.И. Новгородцев // Православие и культура : сб. рел.-филос. ст. / под ред. проф. В.В. Зеньковского. – Берлин : Рус. кн., 1923. – С. 7–23.
11. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале. – 3-е изд. / П.И. Новгородцев. – Берлин : Слово, 1921. – 386 с.
12. Бердяев, Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Вадимов. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
13. О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20-80-х годов в Республике Беларусь : постановление Верхов. Совета БССР, 6 июня 1991 г., № 847-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918–1951 годы) / сост.: священник Феодор Кривонос. – Киевцев : Свято-Троицкая церковь, 1996. – 100 с.
15. Кривонос Феодор, протоиерей. Многи скорби праведным. – Минск : Братство в честь Виленских мучеников, 2011. – 36 с.
16. Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967 : энцыкл. давед. : у 2 т. – Мінск : Беларус. Экзархат, 2007. – Т. 1. – 464 с.; Т. 2. – 656 с.